

Седакова Татьяна Витальевна,
старший научный сотрудник Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

«АХ, СТУПЕНЕЙ БЫЛО МНОГО...»
(Фонд Марии Михайловны Шкапской (1891-1952)
в Древлехранилище Псковского музея-заповедника)

В одной из анкет, отвечая на вопрос о роде занятий, М. М. Шкапская написала: «литератор». Она издала восемь поэтических сборников в 1920-е гг. и вызвала бурю эмоций. Критики называли ее стихи «физиологическими», излишне откровенными. Однако о. Павел Флоренский называл ее «подлинно христианской – по душе – поэтессой» и отдавал ей предпочтение в сравнении с А. Ахматовой и М. Цветаевой. М. Горький писал ей: «До Вас женщина ещё не говорила так громко и верно о своей значительности». «У нее была своя тема в поэзии – тема женского естества, притом не только духовного, как у Ахматовой и ее последовательниц, а скорее материально-телесного... Тема эта для русской поэзии была непривычной и просто шокирующей»¹. В 1925 г. Шкапская – поэт «замолчала» навсегда. В 1930-40-е она была известна как автор многочисленных очерков. А потом ее забыли на долгие годы, пока не пришло для М. Шкапской время «второго рождения»: «женская тема» в поэзии снова оказалась востребованной, и сейчас ее книги, изданные при жизни автора небольшими тиражами, – библиографическая редкость.

---

¹ Сапогов В. А. «Город ласковый, старинный...» (М. М. Шкапская в Пскове) // Русская провинция. – Тверь, 1993. – № 2. – С. 53.

*«Петербургенке и северянке, люб. мне ветер с гривой седой,
тот, что узкое горло Фонтанки заливает узкой водой. Знаю –
будут любить мои дети невский седобородый вал, оттого, что
был западный ветер, когда ты меня целовал», – написала
Шкапская в 1921 г.*

Она родилась в Санкт-Петербурге в 1891 г., была старшей из пяти детей в семье мелкого чиновника Министерства земледелия Михаила Андреевского, родом из священников. Отец болел наследственным душевным заболеванием, получал грошовую пенсию. Мать – немка, дочь скрипача Мариинского театра – бы-

ла парализована². Мария с одиннадцати лет зарабатывала деньги для всей семьи: собирала для продажи старые вещи на свалке, стирала для богатых семейств, мыла полы, переписывала бумаги, позже – давала уроки. Несмотря на все трудности, с отличием окончила гимназию и поступила в Петербургский психоневрологический институт, чтобы помогать больному отцу. Привычка к труду сформировала сильный характер, выносливость, жизнестойкость.

Мария Андреевская рано вышла замуж за своего ровесника студента Глеба Шкапского и летние месяцы 1910-1913 гг. вместе с мужем проводила в Пскове.

Мария Михайловна и Глеб Орестович Шкапские.

Чтобы заработать деньги для продолжения учебы, молодая женщина работала в промыслово-научной экспедиции по изучению Псковского водоема, организованной Департаментом земледелия и Псковским земством³. В неопубликованной автобио-

---

² Быков Д. Л. Аборт [Электронный ресурс] // Огонек // Коммерсант.ru : [сайт]. – URL: <http://kommersant.ru/doc/2287730> (дата обращения: 20.05.2016).

³ Труды Промыслово-научной экспедиции по изучению Псковского водоема. Вып. 4, 1914. – С. VII.

графини Мария Михайловна вспоминала: «Работа заключалась в переписи, обследовании условий жизни и труда прибрежного рыбацкого населения Псковщины – кажется, самой нищей, темной из всех северных потребляющих губерний...»⁴. (Много лет спустя наблюдения этих летних месяцев лягут в основу очерка о жизни рыбаков.)

«Западной партией» экспедиции руководил отец мужа Марии Шкапской – Орест Авенирович Шкапский⁵. В Пскове он, отставной статский советник, служил в Статистическом бюро при Псковской губернской земской управе⁶ и активно занимался общественной деятельностью: был казначеем Общества народных университетов⁷, членом правления Городской общественной библиотеки⁸, секретарем правления Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Реального училища⁹. Жил О. А. Шкапский сначала на ул. Лагерной, в доме Ходкевич¹⁰, затем на Мироносицкой или на Пароменской¹¹ ул., в доме Алексеева (разночтения в «Памятной книжке»). Приезжая в Псков, Мария Михайловна, вероятно, останавливалась в доме свекра. Старожилы вспоминали, что в начале 1910-х гг. она «жила на Завеличье, на Пароменской, потом переехала в центр»¹².

---

⁴ Сапогов В. А. «Город ласковый, старинный...» (М. М. Шкапская в Пскове). – Русская провинция. – Тверь, 1993. – № 2. – С. 53.

⁵ Труды Промыслово-научной экспедиции по изучению Псковского водоема (бассейн Псковского, Теплого и Чудского озер). Отдел I. : Отчет о текущих работах экспедиции. Вып. 4. – Псков : Электрич. типо-литография Губ. земства, 1914. – С. VII.

⁶ Памятная книжка Псковской губернии на 1913-14 гг. – Псков : Тип. Губ. правления, 1912. – С. 28.

⁷ Там же. – С. 141.

⁸ Там же. – С. 143.

⁹ Там же. – С. 155.

¹⁰ Памятная книжка Псковской губернии на 1911-1912 гг. – Псков : Тип. Губ. правления, 1910. – С. 24.

¹¹ Памятная книжка Псковской губернии на 1913-1914 гг. – Псков : Тип. Губ. правления, 1912. – С. 28 и 141.

¹² Самойлов Н. Они достойны уважения // Псковская правда. – 1968, № 294 (19 дек.).

В Пскове М. Шкапская познакомилась с юной гимназисткой, тоже пишущей стихи, Надеждой Павлович, будущим поэтом, переводчиком, литературным критиком. (В «Воспоминаниях об Александре Блоке»¹³ Надежда Александровна писала об этом знакомстве, о дружбе, о приеме Шкапской в Союз поэтов, о петроградских встречах в доме А. Блока, где Шкапскую звали Марусей, о том, как «Блок – такой деликатный, старающийся никого не давить своим авторитетом, предостерегал М. М. Шкапскую от выступлений вместе с Гумилевым и его "цехом" и студийных занятий у него»¹⁴.)

«Первое печатанье» Шкапской связано с Псковом начала XX века.

В автобиографии она писала о молодежи, объединившейся под предлогом помощи Псковской общественной библиотеке. Кружок состоял из студентов, семинаристов, рабочих-наборщиков. В день похорон Л. Н. Толстого кружковцы готовились провести демонстрацию – губернатор Н. Н. Медем запретил: «разбили такую гордую, такую прекрасную мечту» (из дневника М. Шкапской)¹⁵. И все-таки Шкапскую слышали: в ноябре 1910 г. в газете «Псковская жизнь» было напечатано стихотворение «Плачьте» (на смерть Льва Толстого):

*Грубо оборваны струны, недавно звучавшие,
Нежным аккордом о солнце, о правде звеневшие,
С мощной тоской над неправдой, над злобой рыдавшие,
Болью сердечной над злобой людской трепетавшие. <...>*

(До этого было напечатано только одно произведение М. Шкапской (Андреевской): в газете «Нарвский листок» летом 1910 г. появилась маленькая прозаическая сказка.)

В 1914 г. М. Шкапская с мужем по политическим мотивам вынуждена была эмигрировать во Францию. Медицинское обра-

---

¹³ Павлович Н. А. Воспоминания об Александре Блоке / публикация З. Г. Минц и И. А. Чернова // Блоковский сборник. – Тарту, 1964. – С. 446-506.

¹⁴ Там же. – С. 473.

¹⁵ Сапогов В. А. «Город ласковый, старинный...» (М. М. Шкапская в Пскове). – Русская провинция. – Тверь, 1993. – № 2. – С. 54.

зование продолжать она не стала, в Тулузе поступила на филологический факультет университета, занималась в школе восточных языков, писала стихи, очерки для русских журналов, познакомилась и подружилась с И. Эренбургом. «*Эта нелепая заграница, чужие французские лица*», – писала она в тот период. («Было грустно...»). Сб. «Час вечерний», с. 31.)

Как часто на Монпарнасе грежу я вдумчиво об Исаакии в темной рясе, о Библиотеке публичной. | Возглашаю горькие тосты со своей тоской всегдашней за Неву с Литейного моста, за задумчивую водопроводную башню и даже (тоска безмерна) за Предварилровку, что на Шпалерной. (Сб. «Час вечерний», с. 35.)

Во Франции написано стихотворение «Родное»:

*Псков мой чудесный. Родное мое Завеличье.
Улица грязная и кривые мостки.
Всюду сады, а в садах щебетание птичье,
И неба широкие голубые мазки.*

<...>

*Выйдешь на улицу – каждая баба знакома.
Это ль не радость. Это тебе не Озепне!
Все это русское наше... Соскучишься дома –
В Пушкинский дом, а не в парк Toulousaine.*

*Поздно вернешься. Притихшее спит Завеличье.
Чутко открыта душа для радостных снов.
Молишься старым и новым богам без различья.
Если б в Россию родную... Если бы в ласковый Псков...¹⁶*

(Тулуза, 7 мая 1914 г.)

Воспоминание о Пскове, о колокольном звоне, крестном ходе, кустах сирени, даже о грязных улочках и кривых мостках вызывало щемящее чувство нежности:

---

¹⁶ Сапогов В. А. «Город ласковый, старинный...» (М. М. Шкапская в Пскове). – Русская провинция. – Тверь, 1993. – № 2. – С. 54.

*Город ласковый, старинный,
Гулкий благовест и длинный,
Крестный ход – святой и чинный,
Архиерей и благочинный.*

*Архиерейский бас могучий,
Вьется, льется, нежит, мучит,
Весь соборный двор озвучив,
Мчится к небу, дразнит тучи.*

*Крестный ход рекой отсвечен,
С колокольни свет замечен.
Чьи-то руки, чьи-то плечи...
Сдвинь хоругви! Ближе свечи!*

*Ночь, лукавая, смеется –
Пусть мой крестный ход пройдетя.
Чуть весенний зов завьется –
Черт в сирени шевельнется!¹⁷*

(«О Пскове». Тулуза, 20 апреля 1914 г.)

Эти стихи впервые опубликованы в 1993 г. преподавателем Псковского пединститута В. А. Сапоговым. Публикуя два стихотворения о Пскове («Родное» и «О Пскове») и два в Пскове написанных («Плачьте» и «Белая ночь»), он писал о М. М. Шкапской: «В ее архиве нет стихотворений, написанных после 1925 года, но много ранних, не вошедших в последующие сборники. Эти стихи еще довольно слабы и совсем не похожи на те, что Шкапская напишет в 20-е годы, но всегда интересно знать, с чего и как поэт начинается»¹⁸.

В 1916 г. М. Шкапская вернулась в Россию, публиковала стихи в журналах «Северные записки», «Вестник Европы» и других. По рекомендации А. Блока, М. Кузмина, М. Лозинского была принята в Союз поэтов.

---

¹⁷ Сапогов В. А. «Город ласковый, старинный...» (М. М. Шкапская в Пскове). – Русская провинция. – Тверь, 1993. – № 2. – С. 54.

¹⁸ Там же.

С сентября 1920 г. М. М. Шкапская состояла на службе в провинциальной секции (иногороднего отдела) Общества охраны памятников старины и искусства Комиссариата народного просвещения (Дворцовая наб., 30). В то же время там работал Е. М. Тихвинский, в 1920-1924 гг. руководивший всей музейной работой в Пскове и Псковской губернии¹⁹.

С целью обследования, регистрации, постановки на учет памятников Шкапская приезжала на Псковскую землю в 1920-21 гг. Маршрут поездок: г. Псков, г. Остров и Островский уезд, г. Порхов и Порховский уезд. В ЦГАЛИ (СПб.) хранятся удостоверения на имя Шкапской М. М. об откомандировании в Псковскую губернию²⁰, протоколы заседаний иногородней секции Отдела охраны памятников старины и искусства. Из удостоверения от 28 сентября 1920 г. следует, что сотрудник Шкапская имела «при себе фотографический аппарат для производства снимков памятников старины и искусства»²¹.

Шкапской обследованы имение Валуево с домом, построенным по проекту архитектора Росси, с остатками картин и обстановки Екатерининской и Александровской эпохи, с вековым парком; Николаевская церковь в Острове, где из-за холодного времени года некоторые иконы не могли быть тщательно осмотрены, так как невозможно снять ризы; Елеазаровский монастырь... Результат ее поездок – охранная грамота Елеазаровского монастыря, фотографии, чертежи, планы, доклады. Доклады Шкапской признавались образцовыми²², а сама она получила полномочия привлекать в уездах лиц, «способных к работе по обследованию и регистрации памятников»²³.

---

¹⁹ Кудрявцева О. А., Волкова С. А. Е. М. Тихвинский и Псковский музей // Труды Псковского музея-заповедника. Вып.1. – Псков, 1994. – С. 5-9.

²⁰ ГАЛИ (СПб.). Ф. 36. Д. 86. Л. 104, 181, 236, 264. – По материалам С. А. Волковой и О. А. Кудрявцевой.

²¹ ГАЛИ (СПб.). Ф. 36. Д. 59. Л. 207-208. – По материалам С. А. Волковой.

²² ГАЛИ (СПб.). Ф. 36. Д. 82. Л. 47. – По материалам О. А. Кудрявцевой.

²³ Там же.

10 мая 1926 г. в вечернем выпуске ленинградской «Красной газеты» напечатана статья специального корреспондента Шкапской «Город старины». В статье речь идет о публичных казнях на старых крепостных стенах во времена Булак-Балаховича, о бывшем кадетском корпусе, о Госмузее в Поганкиных палатах и книжном собрании музея (упоминаются греческая рукопись IX века на пергамене и автограф братьев Лихудов), о секрете «чудотворного креста», источающего слезы, – изобретении священника Покровской церкви Никандра Троицкого. Шкапская едва скрывает иронию, когда говорит о «новых традициях», внесенных в стены монастырей и храмов: «В одном из них – Ивановском – помещается сейчас клуб завода "Пролетарий". И так неожиданно – среди толстых опорных колонн – пальмы и ковры – в алтаре – бюст Ленина и шахматные столики и т. д. В духовной семинарии – общежитие пограничников, похожее больше на девий дортуар, даже с цветами между койками...»²⁴. В 1926-м она видит 35-тысячный Псков «чистеньким, питерского вида, по улицам бегают трамвай (только вход в него почему-то с левой стороны)»²⁵.

С 1921 по 1925 гг. Мария Шкапская выпустила пять сборников стихов: «Mater dolorosa» (1921), «Барабан Строгого Господина» (1922), «Час вечерний» (1922), «Земные ремесла» (1925), «Кровь-руда» (1925). Она говорила от лица женщины, вынашивающей и рожающей детей, защищающей их от бед «в наши кровью полные дни» («Боже мой, и присно, и ныне...». Сб. «Mater dolorosa», с. 30); о непрерывности времени, о единстве всего сущего, будь то человек, камень, трава, о связи поколений, поддерживаемой женщиной; писала о горечи прерванной беременности и оплакивала своего неродившегося сына. Ее лирическая героиня так же естественна и жизнеутверждающа, как вечно плодоносящая земля, как колос, в котором вызревает семя, чтобы, попав в землю, возродиться.

В Отделе рукописных и редких книг Псковского музея-заповедника хранится основанный Л. А. Твороговым в 1950-е гг. фонд М. М. Шкапской, состоящий из 43 единиц хранения.

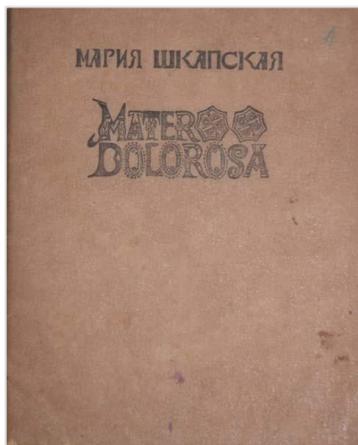
---

²⁴ Красная газета (вечерний выпуск). – 1926 (10 мая).

²⁵ Там же.

Поэтическое творчество М. Шкапской представлено пятью из восьми поэтических книг: «Mater dolorosa» (1921) – 2 экз., «Час вечерний» (1922) – 2 экз., поэма «Явь» (1923), «Земные ремесла» (1925), «Кровь-руда» (1925); а также стихами, опубликованными в «толстых» журналах и сборниках: «Мумия» («Северные записки», июль-август 1916 г.), «Горам» («Вестник Европы», январь 1917 г.), «Ведь были мы первые крепче и выше...», «И ели впервые и первые пили...» (художественный альманах «Наши дни», 1923 г.), стихами из книги «Ци-ци-ци» (литературно-художественный сборник «Недра», 1923 г.).

Сборник «Mater dolorosa» («Мать скорбящая»), вышедший в 1921 г. в Петербурге в издательстве «Неопалимая Купина» тиражом 800 экз., М. Шкапская посвятила Тотику и Аттику (Валерию и Артемию), своим «крохотным сынишкам». Эпиграф из индийского поэта Рабиндраната Тагора (1861-1941) определяет главную тему книги – это несостоявшееся материнство, гибель неродившегося ребенка («*Но тело, безумное тело, / Родной тяготы не сносило*»), тоска, опустошенность («*сердце – пустая барка / И груз ее в море брошен*»), вечная вина, память тела и души:

*Станут старше, взрослее дети и когда-нибудь Лелю и Ате
расскажу я о старшем брате, который не жил на свете.
<...>* («Станут старше, взрослее дети...»)

*Неживое мое дитя,
В колыбель мы тебя не клали,
Не ласкали ночью крестя,
Губы груди моей не знали. <...>*
(«Неживое мое дитя...»)

В сборнике представлены стихи, записанные необычным, но характерным для Шкапской образом – сплошными строками. Литературовед М. Л. Гаспаров для такого способа записи рифмованных текстов создал термин «*мнимая проза*». По его мнению, поэт выбирает такую форму «лишь для впечатления неторжественной, интимной, скороговорочной интонации»²⁶. Анализируя «мнимую прозу» Шкапской, он уточняет: сама поэтесса «признавалась, что звучание стихов ей всегда неприятно и что сочиняет стихи она только "про себя"». Так же считает филолог Н. М. Кравченко: «Стихи она [Шкапская] обычно записывала в строчку, как прозу, словно стыдясь искусственности, неприродности говорения в рифму. Ей казалось: писать стихи стыдно...»²⁷.

В сборнике «*Mater dolorosa*» (33, [3] с.) – 22 стихотворения, из них 12 записаны в строчку, как проза.

Один из экземпляров фонда М. М. Шкапской в Древлехранилище – личный экземпляр А. М. Горького, с дарственной надписью автора от 3 ноября 1921 г.: «*Глубокоуважаемому Алексею Максимовичу в знак искренней благодарности за постоянное теплое и участливое отношение*».

Сборник «Час вечерний» Петроградского издательства «Мысль» (1922), включающий ранние стихи Шкапской 1913-1917 гг., отпечатан в типографии 1-й Государственной фабрики «Светоч» Р.В.Ц. (Революционно-военная цензура) тиражом 1000 экземпляров. Эпиграфом к книге служат строки З. Гиппиус: «Слова, как пена – | Невозвратимы и ничтожны». Эпиграфы к отдельным стихам – из П. Шелли, К. Бальмонта, П. Розенбаха, А. Ахматовой, М. Кузмина, А. Блока. В сборнике четыре цикла: «Час вечерний», «Когда мы остаемся сами с собой», «Сердца горестные заметы», «*Bibelots*» (с фр.: «изящные вещицы, безде-

---

²⁶ Рифмованная проза. № 5. Душа мира // Гаспаров М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях. – 2-е изд., доп. – М. : Фортуна Лимитед, 2001. – С. 18.

²⁷ Кравченко Н. М. Скелеты в шкафу [Электронный ресурс] // Стихи.ру : [сайт]. URL: www.stihi.ru/2010/07/24/4108 (дата обращения: 20.05.2016).

лушки») – всего 34 стихотворения (54 с.). Открывает книгу стихотворение «Библия»:

*Ее на набережной Сены
В ларце старуха продает,
И запах воска и вербены
Хранит старинный переплет.*

<...>

(Сб. «Час вечерний», с. 7.)

Девять стихов книги «Час вечерний» относятся к жанру «мнимая проза». Например, «Ах, ступеней было много...» с эпиграфом из А. Ахматовой: «Слава тебе, безысходная боль»:

*Ах, ступеней было много, длин-
ной была дорога. Шла, ступе-
ней не считая, падая и вставая,
шла бы без стопа и вздоха, но
так устала, но такая была
Голгофа, что силы не стало.*

Упала.

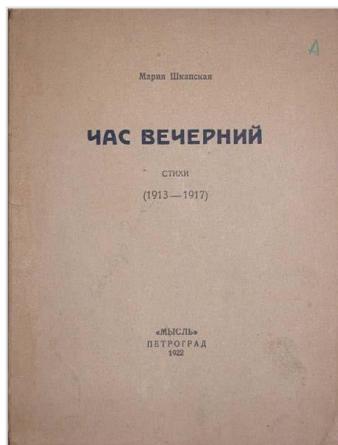
*Распялась крестом у порога
моего сурового Бога.*

И сказалося так больно:

*«Господи, разве ещё не доволь-
но!»*

<...>

(Сб. «Час вечерний», с. 23.)

Тема «женской голгофы» звучит и в сборнике «Кровь-руда» (Москва : В.С.П.²⁸, 1925. – 29, [2] с.). В Древлехранилище – второе издание, отпечатанное в 16-й государственной типографии «Мосполиграф» в количестве 3000 экземпляров. Главлит № 29783. Посвящение И. Эренбургу.

---

²⁸ Всероссийский союз поэтов.

О эта женская Голгофа! – Всю силу крепкую опять в дитя отдай, носи в себе, собой его питай – ни отдыха тебе, ни вздоха. <...> Земные правила просты и строги: рожай, потом умри. (Сб. «Кровь-руда», с. 23.)

Я женщиной цвету в полях земных – невзысканной, негромкой и невидной, и мой удел – простой и незавидный (уделов, может быть, для нас и нет иных): поутру цвести, дать в полдень сочный плод и сникнуть к вечеру. <...> (Сб. «Кровь-руда», с. 24.)

*Мы были, мы прошли, нас было очень много,
Колосья, сникшие под режущим серпом,
Каменья серые по полевым дорогам <...>.*

(Сб. «Кровь-руда», с. 25.)

Предназначение женщины – быть продолжательницей рода, звеном, что скрепляет бесконечную цепь жизни, связывает поколения, объединяет прошлое с настоящим:

Детей от Прекрасной Дамы иметь никому не дано, но только она адамово заканчивает звено. | И только в ней оправданье темных наших кровей, тысячелетней данью влагаемой в сыновей. | И лишь по ее зарокам, гонима во имя ея – в пустыне времен и сроков летит, стеная, земля.

(Сб. «Кровь-руда», с. 10.)

Что знаю я о бабушке немецкой, что кажет свой старинный кринолин, свой облик выцветший и полудетский со старых карточек и блекнувших картин?

О русской бабушке – прелестной и греховной, чьи строчки узкие в душистых billet-doux, в записочках укорных и любовных, в шкатулке кованой я ныне не найду? <...> | О горькая и дивная отрава! – Быть одновременно и ими и собой, не спрашивать, не мудрствовать лукаво и выполнить урок посылный свой: | Познав любви несказанный Эдем, | Родить дитя, неведомо зачем. (Сб. «Кровь-руда», с. 20.)

Все течет – от праматери Евы к отягченным вещами дням, через каждое новое чрево, приобщаясь все к новым нам. <...> (Сб. «Кровь-руда», с. 14.)

Перебираю родовой архив. – Во мне ведь та же кровь – без срыва и без смены. <...> (Сб. «Кровь-руда», с. 19.)

Шкапская чувствует себя звеном цепочки, объединяющей не только ее с предками, но всё человечество, всё в мире Божиим. «Суровый» Бог в ее стихах предстает «веселым скотоводом», «садовником и жнецом»:

Веселый Скотовод, следишь, смеясь, за нами, когда ослепшая влечется к плоти плоть, и спариваешь нас в хозяйственной заботе трудолюбивыми руками. <...> (Сб. «Кровь-руда», с. 11.)

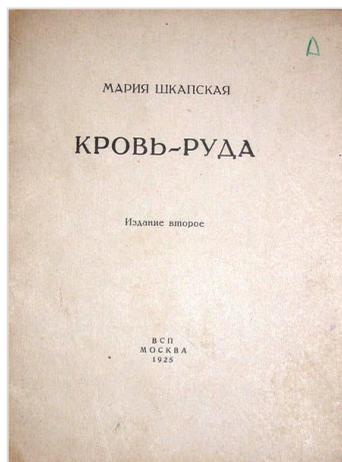
Сила, которой наделена женщина – древняя, темная, опасная. М. Шкапская будто ворожит:

*Я тебе плохая жена,
Я тебе плохая слуга,
Я тебе не на то дана –
У меня под прической рога.
На лысую бы гору,
В полуночную пору <...>.*

(Сб. «Кровь-руда», с. 27.)

*Ой, беда мне, беда, беда,
Раскипелась во мне кровь-руда.
Ключа от дверей не дашь,
В трубу улечу на шабаш
В ступе и с пестом
И след замету хвостом <...>.*

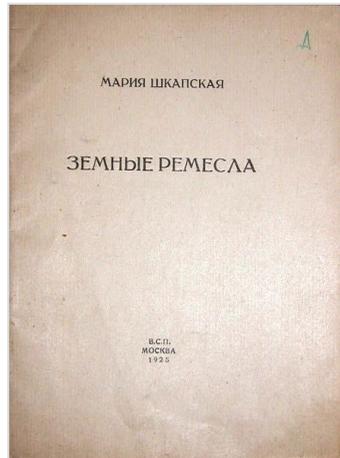
(Сб. «Кровь-руда», с. 28.)

*Пока в девушках хожу,
По-колдуньи ворожусь:
Старому глаза отведу,
Молодого с ума сведу,
С ума сведу и сама сойду <...>.*

(Сб. «Кровь-руда», с. 29.)

В 1925 г. в том же издательстве вышел сборник «Земные ремесла» (Москва : В.С.П. – 30, [1] с.), отпечатанный в 16-й типографии «Мосполиграфа» в количестве 3000 экз. Главлит № 29784. 14 из 16 стихотворений написаны в форме «мнимой прозы». М. Шкапская продолжает темы, заявленные в предыдущей книге. Она говорит о непрерывной связи поколений и об ощущении предков в себе, о бессмертии, заключающемся в продолжении рода, о хитром замысле Бога, придумавшего сладость любви между женщиной и мужчиной лишь для того, чтобы они продолжились в детях, об одном законе для всего на земле: человек, животное, растение – все проживают свою мимолетную жизнь, чтобы оставить семя, зерно, потомство.

*Расчет случаен и неверен, – что обо мне мой предок знал,
когда, почти подобен зверю, в неолитической пещере мою
праматерь покрывал. | И я сама – что знаю дальше о том,
кто снова в свой черед из недр моих, как семя в пашне, в
тысячелетья прорастет? (Сб. «Земные ремесла», с. 10.)*

*Миллионы веков назначенных я томилась в чужих телах,
нагруженных земными задачами и потом обращённых в
прах. | Но кончая свой век коротенький, на закате земного
дня, сыновьям своим или дочери отдавали они меня. <...>*
(Сб. «Земные ремесла», с. 7.)

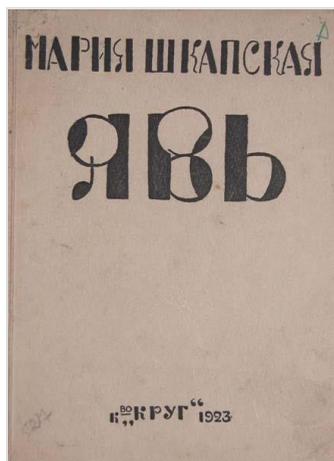
Лукавый сеятель, свой урожай лелея, Ты пажити готовишь под любовь, их вовремя запашешь и засеешь и в русло нужное всегда отвесть успеешь тяжёлую бунтующую кровь. <...> (Сб. «Земные ремесла», с. 19.)

Ах, дети, маленькие дети, как много вас могла б иметь я вот между этих сильных ног, – осуществленного бессмертья почти единственный залог... <...> (Сб. «Земные ремесла», с. 12.)

В 1923 г. в издательстве «Круг» отдельной книгой вышла поэма М. Шкапской «Явь» – о смертной казни через повешенье на людной площади, свидетельницей которой она была, о тесной ярмарочной толпе любопытных наблюдателей, сжимавшей семью молодого висельника.

*Было это на Петра и Павла,
А потом еще три дня висел он,
И ходили мимо православные
Без дела и с делом.*

А потом крестным ходом из Царских врат вышли православные святые, «*подошли к веселой качели, / На синее лицо поглядели / Да и пали ему в корявые ноги / Прямо на пыльной дороге...*». («Явь», с. 26.) Он был сыном, мужем, отцом, а теперь куклой вывешен на устрашение, на поруганье. Гражданская война, реки крови омыли Россию.

Издание выпущено под общим наблюдением Д. Богомилского в 39-й типографии «Мосполиграф» в количестве 3000 экземпляров. В оформлении книги участвовали известные художники-авангардисты Ю. Анненков и Л. Бруни. Марка издательства работы Ю. Анненкова. Обложка, заставка, концовка – Л. Бруни. Бумага верже, 26, [2] с.

В 20-е годы в большой квартире Шкапских на Петроградской стороне собиралась литература, люди искусства²⁹. Здесь бывали А. Ахматова, члены кружка «Серапионовы братья», критик В. Шкловский, поэты Вл. Пяст, Вс. Рождественский, Н. Тихонов и другие.

У хозяйки салона – «ведьмы – вакханки – волчицы», по выражению литературной молодежи того времени, был альбом. Сама Шкапская иногда записывала туда свои необычные сны, иногда страницы альбома превращались в дневник, но чаще их заполняли рассказы, экспромты, изречения гостей. Альбомные странички сохранили записанные Шкапской рассказы А. Ахматовой, Вл. Пяста, Н. Павлович...

*Члены Ленинградского отдела Всероссийского союза поэтов.
В первом ряду: А. П. Крайский, М. М. Шкапская, И. И. Садофьев,
Г. Б. Шмерльсон. Во втором ряду: А. В. Туфанов, Ин. А. Оксёнов,
Вс. А. Рождественский, Е. Г. Полонская, К. К. Вагинов. Ленинград.
1925. ИМЛИ.*

---

²⁹ Сны и явь. Из альбома поэтессы Марии Шкапской / публ. Сергея Шумихина // Независимая газета. – 2001, № 197 (20 окт.). – С. 16.

Стихи начала 1920-х гг., вошедшие в сборники «Барабан строгого господина» (Берлин : Огоньки, 1922. – Нет в фонде), «Кровь-руда», «Земные ремесла» – эти тоненькие книжечки, говорят о М. Шкапской как о большом поэте со своим представлением о мире, восходящим к библейским истокам, о женской жизни и сути, о любви, о материнстве. Она смела и свободна в выражении своих чувств и мыслей. Она открыла для поэзии новые темы, и оказалось, что вслух можно говорить о самом сокровенном. Она дала голос женщине, но в 1925 г. перестала писать стихи, будто дала обет молчания.

То, что М. Шкапская перестала не только издавать, но и писать стихи, объясняют по-разному. Одни считают, что поэт замолчал, потому что изменилось время и он почувствовал свое несоответствие эпохе; другие связывают молчание Шкапской с личной трагедией: в 1925 г. покончил с собой человек, которого она долгие годы любила, от которого родила своего второго сына (застрелился на ее глазах)³⁰, Шкапская осталась жить ради детей, но стихи писать перестала.

Филолог Тина Гай считает: «Жизнь пересилила поэтический дар. Она решила стать "полезной", уйдя в журналистику, в стройки пятилетки, в описание советских достижений, в писательскую рутину и мертвечину. Ушла, уже внутренне убитая и выпотрошенная, уставшая от жизни и боли,

понимая, что в новой жизни ее поэзии места нет. Здесь могут выжить только фальшивые чувства. Но личная трагедия стала

---

³⁰ 13.03.1926. <...> Ехали на извозчике с вокзала. АА спросила, знаю ли я, что застрелившийся инженер Бас был любовником Шкапской? Я сказала – да. АА узнала об этом в Москве. – См.: Лукницкий П. Н. Асиміана : встречи с Анной Ахматовой. Т. 2 : 1926-1927. – Париж : YMCA-PRESS ; М. : Русский путь, 1997. – Запись от 13 марта 1926 г.

лишь поводом и спусковым крючком, убившим поэта»³¹. Тайна эта останется тайной, даже дочь Светлана не знала ответа на этот вопрос.

В 1930-40-е гг. Шкапская, работавшая разъездным корреспондентом в ленинградской «Красной газете», в «Известиях», в «Правде», писала очерки о жизни в Советском Союзе, побывала в самых разных уголках страны: в Белоруссии, Средней Азии, Узбекистане, Сибири, по предложению М. Горького работала над историей завода им. К. Маркса (создала огромный труд, который после смерти Горького стал никому не нужным). В 1936 г. М. Шкапская уехала на Дальний Восток для работы над книгой.

В Москву семья Шкапских переехала в связи с переводом туда мужа – радиоинженера по специальности.

В годы Великой Отечественной войны Мария Михайловна работала в литгруппе Совинформбюро, написала более ста очерков, в том числе для ВОКСа (Всесоюзного общества культурных связей с границей, 1925-1957 гг.), антифашистских комитетов и Радиокomiteта.

Коллекция отдела рукописных и редких книг включает восемь изданий очерков М. Шкапской: «Пятнадцать и одна» (1931) – с дарственной надписью неизвестному лицу: «Виктории – победительнице с любовью автор. Москва. 28/X 1932», «Вода и ветер» (1931), «Человек работает хорошо» (1938), «Рассказы» (1938), «Рассказы комсомольцев» (1939), «За жизнь бойца» (1941), «Семья бойца» (1942), «Это было на самом деле» (1942) – на русском, английском и испанском языках. Представлены сборники, включающие очерки Шкапской наряду с произведениями других авторов: «Повести минувшего» (1937), «Женщины страны Советов» (1939), «Женщина стран социализма» (1950), «Сборник произведений для художественного чтения» (1950).

---

³¹ Гай Т. Мария Шкапская. Ведьма, вакханка, волчица [Электронный ресурс] // Блог Тины Гай : [сайт]. URL: <http://sotvori-sebiasam.ru/mariya-shkapskaya-vedma-vakxanka-volchica/> (дата обращения: 23.05.2016).

Из периодических изданий в фонде представлены вечерняя «Красная газета» (1926, фрагмент) и «Литературная газета» (1947), фрагмент журнала военного времени (без названия) с очерком «Последнее слово», а также журнал «Былое» (1925, № 5) с сообщением «Семинарист о событиях 14-го декабря», посвященным 100-летию восстания декабристов.

Публикации о творчестве М. М. Шкапской в фонде охватывают период с 1923 по 1984 гг. В 1923 г. И. Н. Розанов упоминает книги Шкапской в «Обзоре художественной литературы за два года»³². В 1925 г. в книге первой журнала «Красная новь», в разделе «Критика и библиография», напечатана рецензия Машбиц-Верова на сборники М. Шкапской «Земные ремесла» (М., 1925) и «Кровь-руда» (М., 1925). «Шкапская – поэтесса "конца века", поэтесса вырождающегося поколения, поэтесса оскудевших людей», – таково мнение критика.

Детские стихи Шкапской тоже осуждались. Л. Ф. Кон в очерке о детской литературе 1917-1929 гг. относит ее «Алешины калоши» (М. ; Л. : Радуга, 1925)

к «производственным книжкам» и пишет: «... все эти стихи, не говоря уж об их низком литературно-художественном уровне, в большей или меньшей степени страдают существенным недостатком: содержащийся в них скудный познавательный материал тонул в массе ненужных эпизодов и развлекательных трюков, вводимых для того, чтобы подсластить "горький корень науки"»³³.

Очерки Шкапской принимались советской критикой значительно благосклоннее. Рецензии на них напечатаны в журнале

---

³² Литературные отклики. – М., 1923.

³³ Кон Л. Ф. Советская детская литература, 1917-1929 : очерк истории русской детской литературы. – М. : Детгиз, 1960. – С. 115.

«Молодая гвардия» (1939, № 7), в издании «Комсомол в Отечественной войне» (1944). В 1984 г. в книге В. Я. Канторовича «Литература и социализм» опубликована статья о творчестве М. М. Шкапской – «Размышления над книгой забытого поэта»³⁴. Автор отдает должное Шкапской – журналистке, пытавшейся быть созвучной времени в очерках о героическом труде, о военном подвиге, но по достоинству оценивает и Шкапскую – поэта со своей неповторимой лирической темой – темой женщины любящей, рожаящей детей, в которых возрождается ее душа... Это издание завершает небольшую подборку критических материалов о творчестве М. М. Шкапской в фонде отдела рукописных и редких книг Псковского музея-заповедника.

Материалы фонда М. М. Шкапской в Дрeвлехранилище охватывают период с 1916 по 1984 год. Они представляют интерес для библиофилов, для любителей русской поэзии, для читателей, знакомящихся с творчеством Марии Шкапской – на первый взгляд, противоречивым, но внутренне обоснованным фактами ее биографии и ходом российской истории.

---

³⁴ Канторович В. Я. Литература и социализм : статьи, воспоминания. – М. : Советский писатель, 1984. – С. 351-357.